Л. Д. Дашиева

АНТРОПОЛОГИЯ ЗВУКА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ¹

В данной статье рассматривается антропология звука в контексте изучения акустического кода и звуковой картины мира как универсальной информационной модели в традиционной культуре монгольских народов. Такая информационная модель представляет собой дифференцированную систему звуков со своими грамматическими и синтаксическими правилами, способную не только передать всю сложность представлений человека об окружающем мире, но и воздействовать на него, служа залогом сохранения мирового порядка. Понятие «антропология звука» гораздо шире и объемнее, чем семантика, которая является одной из ее ключевых составляющих. Поскольку в современной российской науке в рамках направления *Антропология искусства* еще только обсуждаются вопросы терминологии, точного определения *антропологии звука* пока не существует.

В статье рассматривается звук человеческого голоса, выполняющий коммуникативную функцию и обладающий огромной силой воздействия на природу и социум. Акустический² код, характеризующий культурный и природный ландшафт, включает широкий спектр звуков от природных, натуральных до строго организованных вербальных и музыкальных текстов и отличается полифункциональностью. О магии звука голоса человека свидетельствуют народные поверья и легенды, в которых отражаются мифологические и религиозные представления монгольских народов.

Сформированный в течение тысячелетий мир степной культуры кочевников включал многоуровневую систему звуковых кодов, реализованных как в музыкальной, так и в немusical формах. Исследуется семантика звука в возгласных распевах и обрядовых протяжных песнях монголов *уртын дуу*, репрезентирующих особый «генетический код» и являющихся этническим маркером культурной традиции. Обрядовые протяжные песни *уртын дуу*, в том числе песнопения, исполняющиеся во время грозы, мелодический свист³ или посвист тесно связаны с обрядом призывания небесной благодати и культом предков. Они являются одним из важных компонентов целостной обрядовой системы, организующим звуковое поле традиционной культуры монгольских народов. Кроме того, в статье пунктирно представлен феномен звука в многомерном пространстве шаманского и буддийского космоса.

Таким образом, в данной статье отражено обрядовое содержание звукового пространства монгольского мира, чем и обусловлен выбор материала (мифологические представления о го-лосе, обрядовые протяжные песни, мантры и т. п.). Автор не ставил целью исследовать всю палитру звукового поля традиционной культуры монгольских народов. Это тема будущего специального исследования.

Ключевые слова: звук, звуковая картина мира, семантика, традиционная культура, монгольские народы.

Исследование феномена звука в системе традиционной культуры любого этноса является актуальной проблемой современной фольклористики, этномузыкознания и востоковедения. Междисциплинарный дискурс позволяет рассматривать феномен звука как звуковую модель мира в контексте степной культуры монгольских народов.

Изучению семантики звука и звуковой картины мира посвящены работы отечественных и зарубежных исследователей. В российской этномузыкологии звук и звуковые представления восточных славян рассматриваются в статьях В. М. Щурова, Н. Н. Гиляровой, А. М. Мехнецова, Г. В. Лобковой, И. С. Поповой и др. (Звук в традиционной народной культуре, 2004). Изучению звукового или акустического кода в традиционной обрядовой культу-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии», № 121031000263-3).

² Термины «акустический» и «звуковой» синонимичны.

³ Термины «свист» и «посвист» в традиционной культуре монгольских народов являются синонимами.

ре славянских народов была посвящена одна из интересных тем научной конференции «Голос и ритуал» (Голос и ритуал, 1995). В музыкальном востоковедении перспективные идеи Дж. Михайлова о феномене звука и его отражении в терминологии реализовались в работах исследователей по традиционной музыке Монголии (Б. Смирнов, М. Каратыгина, И. Кульганек, К. Пегг), Ближнего и Среднего Востока (В. Юнусова, И. Еолян, Н. Шахназарова, С. Аязбекова), Дальнего Востока (М. Добжанская, С. Лупинос, М. Дубровская), стран Юго-Восточной Азии (А.Алпатова, А. Алябьева). Одним из фундаментальных исследований феномена звука в инструментальной музыке тюрков является монография С. И. Утегалиевой «Звуковой мир музыки тюркских народов: теория, история, практика (на материале инструментальных традиций Центральной Азии)» (Утегалиева, 2013). В контексте традиционной культуры монгольских народов большую значимость имеют труды Г. Ю. Бадмаевой, в которых исследуется звуковой мир музыки калмыков и их музыкально-религиозные традиции (Бадмаева, 2006, 2008).

Исследованию звукового/акустического кода и звуковой картины мира как универсальной информационной модели в традиционной культуре монголов и бурят посвящены статьи и отдельная глава в монографии автора «Обрядовая песенная традиция западных бурят» (Дашиева, 2017). Акустический код, характеризуя культурный и природный ландшафт, включается в целостную систему традиционной культуры монгольских народов. Безусловно, учитывая то, что звуковой/акустический код имеет широкий спектр звуков от природных, натуральных до строго организованных звуковых текстов (вербальных и музыкальных), он отличается многогранностью и многофункциональностью. На первом плане находится звук человеческого голоса, выполняющий коммуникативную и магическую функции. Голос человека «способен передать существующие в народном сознании мифологические представления об устройстве мироздания, ... с его помощью можно воздействовать на мир, устранять возникший в нем дисбаланс или, напротив, вызывать его в магических целях, управляя происходящими в мире процессами» (Народное музыкальное творчество, 2005: 51).

В представлениях монгольских народов человеческий голос, обладающий огромной эмоциональной силой воздействия на окружающий мир и социум, является особым звуковым инструментом, посредством которого достигается коммуникативная и магическая связь с Небом и предками. Не случайно талантливых певцов наделяют сверхъестественными способностями, якобы дарованными им высшими божественными силами. В частности, в народных представлениях бурят существует поверье, что выдающиеся певцы рано уходят из жизни. По сведениям известного *эхирит-булагатского* сказителя Александра Васильева (Альфора), хорошие певцы боялись особенно выделяться (Берлинский, 1932: 24). Подобные поверья присутствуют в традиционной культуре удмуртов — выдающиеся певцы в жизни бывают несчастливыми и также рано умирают. В их «песенных текстах сложились целые сюжеты о несчастливой судьбе искусного певца» (Нуриева, 2014: 85).

В этой связи позволим себе предположить, что востребованность исполнителей, обладающих хорошими голосами и вокальным искусством, предназначенным для небесного хора, являлась одной из причин их ранней смерти. Вероятно, не случайно имена рано ушедших красивых девушек с чистыми и звонкими голосами входили в шаманский культ западных бурят *Улезе олон* и их «одновременное самоубийство <...> было истолковано местными шаманами как проявление воли *тэнгэри*, якобы избравшего души этих девушек в качестве солисток шаманского песнопения»⁴ (Манжигеев, 1978: 80).

⁴ Уточняя генезис шаманского культа *Улезе олон* (Улейские многие), включающего более трехсот шестидесяти почитаемых духов и распространенного среди осинских бурят *булагатов*, особенно жителей села Улей Осинского района Иркутской области, отметим, что по древнему шаманскому преданию, этот культ возник вследствие коллективного суицида и сумасшествия молодых девушек и юношей из села Улей, а также проклятия улейской девушки, наложенного на улейских мужчин. По сведениям И. А. Манжигеева, этот культ «появился в начале XIX века после коллективного самоубийства 17 девушек во главе с насильно выданной замуж прославленной красавицей Буржу-

Мифологические представления о дарованном свыше уникальном искусстве певцов и музыкантов отражаются в монгольских легендах. В них приобретение вокального мастерства в протяжном пении интерпретируется как проявление божественного дара, позволяющего талантливым певцам стать медиаторами между небесным и земным мирами. «Однажды ястреб гнался за птицей, которая спряталась на груди у девушки, и он не посмел схватить птицу, улетел, а птица после обернулась хозяйкой местной горы. В благодарность за спасение даровала она девушке прекрасный голос» (Кульганек, 2001: 33–34). Другая монгольская легенда о слепом Тарвае была записана монголоведом и филологом И. В. Кульганек в сомоне Дуут: «15-летний *Сохор Тарвай* (слепой Тарвай) заболел оспой, и одноулучники (односельчане), думая, что смерть неминуема, оставили его одного умирать. Он умирает, душа его попадает к *Эрлик-хану*, владыке ада, но тот отпускает его душу, поскольку не пришло еще время мальчику появляться перед ним. В качестве компенсации за ошибку и напрасный страх *Эрлик-хан* дарит ему умение петь, прекрасный голос. Но за то время, пока тело мальчика лежало неподвижным посреди степи, птицы выклевали ему глаза, и он стал слепым — Слепым Тарваем» (Там же: 34).

Таким образом, в легендах отражаются мифологические представления монгольских народов о магии приобретенного вокального искусства, оказывающего влияние на окружающий мир.

Звучащая степь с красочной палитрой звуков и цвета для кочевника была его жизненным пространством, в котором происходило взаимодействие хозяйственной деятельности с нормами звукового обрядового поведения. В звуковом пространстве степной культуры через игру долгих звуков в возгласных распевах, возникших в результате подражания звукам природы, и звучания протяжных песен *уртын дуу/ута дуун* устанавливалась магическая связь с природой и предками. Безусловно, в шаманских обрядах бурят подобная магическая связь с божествами и духами осуществляется через звуки шаманского призывания *дурдалга* и ритм шаманского бубна *хэсэ*, образующие особый канал информационной связи, недоступный и далеко небезопасный для непосвященных в сакральный мир шаманских духов и божеств. Кроме того, в акустическом коде важной является структурирующая функция звука, «способного определенным образом организовывать время и пространство» (Дашиева, 2017: 71).

Проблема изучения структурирования звукового пространства в контексте степной культуры монгольских народов подробно рассмотрена в статье и вышеназванной монографии автора (Дашиева, 2015: 9–10; 2017: 71–72).

Звук в традиционной культуре монгольских народов имеет многоуровневую семантику. Её ядром является уникальное искусство протяжного пения *уртын дуу/ута дуун*, репрезентирующего особый «генетический код» и являющегося этническим маркером культурной традиции монгольских народов.

Монгольские исследователи указывают на семантическую связь протяжных песен *уртын дуу* с древним обрядом обращения к предкам: «жанр зарождался в обрядовой сфере культа предков, где формировалась его музыкально-грамматическая база» (Каратыгина, Оюунцэцэг, 1990: 129). Обряд культа предков, описанный в одном из средневековых памятников монгольской письменности «Алтан товч» под названием *их яруу* (*их* — «большой»; *яруу* — «чистый, ясный, благозвучный, музыкальный, приятный, мелодичный, изящный») трактуется как обряд весеннего поминовения предков (Там же). Вероятно, с приходом буддизма многие обряды и обрядовые песнопения монголов были под запретом⁵.

хайн дүүхэй <...> С тех пор, по поверью местных шаманистов, каждая трагически умершая красивая девушка, имевшая хороший голос, считалась призванной в число «Улейского множества» (Манжигеев, 1978: 79–80). Согласно преданию, они целой толпой ночью ходили из улуса в улус с песнями и призываниями, уводили людей в лес и издевались над ними (Там же).

⁵ По сведениям Б. Ф. Смирнова, «ламы особенно резко выступали против пения сигнальных возгласов в грозу, утверждая, что того, кто не покорится этому требованию, поразит молния» (Смирнов, 1971: 81).

Рассматривая семантику звука, необходимо подчеркнуть, что в основе мелоса монгольских протяжных песен *уртын дуу* лежит особая система возгласных напевов, в которых звук имеет ключевое значение, отличаясь, как было указано выше, полифункциональностью.

Известный исследователь традиционной музыки монголов Б. Ф. Смирнов впервые представил классификацию возгласных напевов (Смирнов, 1971: 32–33) и дифференцировал их на три жанровые группы: 1. возгласные сигнализации пастухов для сгона скота *гинго* (форма бестекстового возгласного распева сигнального типа); 2. бестекстовые песни пастуха-всадника *унишу*; 3. скотоводческие заговоры или напевы-зовы домашних животных (Там же: 33). По нашему мнению, третью группу представляет особый жанр скотоводческого заговора животных, изучению которого необходимо посвятить специальное исследование (Дашиева, 2021: 136–138).

Кроме того, в традиционной культуре монголов репрезентантом звукового кода является жанровая разновидность возгласных сигнальных напевов — мелодический свист или посвист. Редкие ценные образцы мелодического свиста/посвиста монголов, записанные в Дундгобийском аймаке МНР в 1976 году бурятским этнографом и фольклористом Д. С. Дугаровым и якутским этномузыкологом Э. Е. Алексеевым, хранятся в фонофонде Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (далее — ИМБТ СО РАН) (инвентарный номер 3429). По сведениям Д. С. Дугарова, мелодический свист или же посвист является «древнейшим магическим способом призывания *дон* — у монголов носит название *дон шуглэх*» (Дугаров, 1991: 238). По его мнению, монголы свистели во время обрядового песнопения *бороо зогсоон аялгуунууд* (*бороо* — «дождь», *аялгуу* — «возглас», *зогсоох* — «останавливать, приостанавливать; прекращать»), исполнявшегося перед грозой, очевидно, с целью остановить грозу (напевы-обращения к Небу при приближении грозы) (Дашиева, 2015: 12). Известно, что в старину при приближении грозы возгласное ритуальное песнопение раздавалось с порога каждой юрты монгола (Смирнов, 1971: 81). Такие напевы бытовали в ритуальной практике монголов «не только для остановки, прекращения дождя — *бороо зогсоохо аялга*, но и вызывания дождя и грозы, а вместе с ними и небесной благодати *дон*». У бурят посвист — магическое средство вызывания ветра <...> Свист также считается магическим средством призывания духов (Дугаров, 1991: 238–239).

Представим ценный образец возгласного обрядового песнопения *бороо зогсоон аялгуунууд* из сборника Б. Ф. Смирнова «Монгольская народная музыка» (Смирнов, 1971: 235–236). Учитывая общую обрядовую семантику монгольского образца *бороо зогсоон аялгуунууд* и западнобурятской обрядовой песни *ай дон дуун*, нетрудно установить определенное сходство инициальных интонаций монгольского напева (см. пример 1) и западнобурятской протяжной песни *ай дон дуун* (см. пример 2).

Пример 1

Смирнов Б. Ф. Монгольская народная музыка.
М.: Сов. композитор, 1971. № 116. С. 235–236.

Бороо зогсоон аялгуунууд

(Напевы на пороге юрты при приближении грозовой тучи)
обращение к небу

Пример 2

Дугаров Д. С. Бурятские народные песни.
Песни западных бурят. Улан-Удэ, 1980. № 173. С. 161–165.

Ай дон дуун

Не случайно Д. С. Дугаров, уточняя семантику песнопений *бороо зогсоон аялгуунууд*, связывал их с обрядовыми протяжными песнями западных бурят *ай дон дуунууд* (Дугаров, 1991: 214–246). «Существовали напевы, — пишет Д. С. Дугаров, — не только для остановки, прекращения дождя — *бороо зогсоохо аялга*, но и вызывания дождя и грозы⁶ <...> это западнобурятское хоровое антифонное пение *ай дон*» (Там же: 239). Старейшины рода во главе с белым шаманом, жрецом культа бога Айа, во время специального обряда *сасали* — жертвоприношения молочной водкой или кумысом — исполняли протяжное песнопение *ай дон* в антифонной форме — жрец пел одну мелостроку, а хор ему вторил. У бурят такое песнопение впоследствии получило название *ай дон дуун* (Там же). Исполнение обрядовых песен *ай дон дуунууд* у западных бурят было связано с культом плодородия, жертвоприношениями небу, земле, духам-хозяевам родовых гор, рек, земли и являлось обязательным компонентом обрядовой системы белого шаманства (Там же: 214).

В тексте другой обрядовой песни *ай дон дуун эхиритов*, записанной Д. С. Дугаровым в 1973 году в улусе Адык Эхирит-Булагатского района Иркутской области, присутствуют формульные словосочетания *Хүхэ Мүнхэн тэнгэри* (Вечное Синее Небо), *хүхы донгодобо* (кукушка кукует), представляющие символические образы, а инициальный возглас *Ай-ээ* является не чем иным, как обращением к верховному божеству *Айа Хайрхану*, подчеркнутым звуками призыва:

Ай-ээ! Хүхэ Мүнхэн тэнгэри
Ай-ээ! Хүхэйн дуунаар донгодобо.
Ай-ээ! Хүхэ толгой үбгэднай
Ай-ээ! Домбын дуунаар дунгяарба.
Ай-ээ! Ай-ээ!

Ай-ээ! Вечное Синее Небо
Ай-ээ! В пору кукования кукушек «закуковало».
Ай-ээ! Сивоголовые наши старейшины
Ай-ээ! Под песни жбана умиротворяются.
Ай-ээ! Ай-ээ!

(Там же: 236).

Таким образом, обрядовое протяжное пение монголов *бороо зогсоон аялгуунууд*, *уртын дуу* и западнобурятские протяжные песни *ай дон дуунууд* имеют общую семантику, связанную с культом плодородия и предков, и являются одним из важнейших компонентов целостной обрядовой системы, организующим звуковое пространство.

Необходимо особо подчеркнуть, что в описании ритуала во время грозы у монголов Б. Ф. Смирнов дает весьма ценное указание на наличие родовых возгласных напевов: «Каждая монгольская семья имеет свои в большей или меньшей степени откристаллизовавшиеся напевные сигналы, передаваемые из поколения в поколение... варьируют их, а также созда-

⁶ По древнему обычаю бурят гадания по первому весеннему грому, считалось, что если первый гром прогремит с северо-западной стороны, то год будет богатым и изобильным (Дугаров, Куницын, 1997: 381).

ют новые в процессе повседневного труда» (Смирнов, 1971: 33). Причем исследователь подчеркивает интонационную связь возгласных напевов с монгольскими протяжными песнями *уртын дуу*: «Интонирование возгласных сигналов, свободное от необходимости согласовывать мелодическое развитие с песенным стихосложением, с приемами распева текста, является родственным мелодическому складу протяжных песен, их свободному распеву вводных гласных и возгласов» (Там же).

Таким образом, возгласные напевы и мелодический свист/посвист, имеющие обрядовую семантику, относятся к раннефольклорной обрядовой допесенной традиции монголов.

Интересно провести здесь параллели с обрядовым поведением тувинцев во время грозы. Если монголы и буряты исполняли мелодический свист и особые обрядовые песнопения, посвященные верховному божеству-громовержцу *Айа Хайрхану*, то тувинцы проводили обряд защиты, во время которого произносили, по-видимому, шаманские заклинания. Тувинский ритуал заключался в следующем: в жертвеннике возжигают можжевельник и, привязав веревкой *чат-даш* (священный камень) к длинной палке, коптят его в огне. Совершая жертву духам, брызгают ритуальной ложкой молоком вверх и во все четыре стороны. Затем, приговаривая громким голосом «*Алас, алас!*», произносят заклинание, сопровождаемое окуриванием дымом можжевельника: *Өриээ, Хайыракан! Бак чцве ынай турзун!* (Помилуй, Хайыракан! Всякое плохое пусть отойдет!) (Кыргыс, 2015: 90–91).

Звуковая картина мира многогранно отражается в религиозной ритуальной практике монгольских народов. В шаманских и буддийских ритуалах сформировались особые специфические черты звукового пространства, в котором, как уже было отмечено выше, звук имел важное сакральное значение магической связи медиатора — шамана/*ламы* с природой и космосом, шаманскими/буддийскими духами и божествами. Звук голоса шамана, призывающего духов *дурдалга*, своих родовых покровителей, звучание шаманского бубна *хэсэ*, бряцание железных подвесок и серебряных колокольчиков, прикрепленных к шаманской шубе во время шаманского камлания — все это создает особое звуковое пространство, где звук имеет магическую силу, оказывающую влияние на человека, природу и социум (Дашиева, 2015).

В контексте данной проблематики несколько слов скажем о шаманской ритуальной шубе *оргой*. В связи с тем, что в шаманских обрядах при каждом движении шамана звучали колокольчики, серебряные монеты и железные подвески в виде фигурок животных и птиц, прикрепленных к ней, она — шаманская шуба — играла своеобразную роль шумового музыкального инструмента. Кроме того, она имела функцию звукового кода во время шаманского состязания. Её звучание во время шаманского камлания или сеанса лечения больного человека, объединяясь со звуком голоса шамана и ритмом бубна *хэсэ*, символизировало духов-помощников шамана и способствовало достижению главной цели обряда (Дашиева, 2017: 79–80).

Если звуковое поле шаманистов сформировалось в определенной акустической среде — в степной культуре, то совсем иначе обстоит дело с формированием звукового пространства музыки буддийского культа. Учитывая внешний фактор — закрытость пространства буддийского монастыря *дацана*, не позволяющая звуку буддийских мантр распространяться далеко за пределами храма, — укажем на внутренний фактор, а именно звуковую вертикаль буддийских мантр и песнопений, посвященных буддийским божествам. Она объединяет три мира Вселенной (верхний, средний, нижний) через магическую связь звуков мантр, достигающих рая Будды Амитабхи, волшебной мифической страны обитания богов (*Шамбала, Диваажан, Сукхвати*). У монгольских народов божественный рай известен как *Сухаваадиин орон* — это санскритское название страны богов и бодхисаттв, куда можно попасть только путем накопления добрых деяний (Дашиева, 2017: 82).

В исследовании буддийских песнопений монгольских народов важно рассмотреть многоуровневое семантическое содержание звука и акустического кода в мантрах *маани* (Дашиева, 2015: 5–6). Это особая и сложная задача, требующая специального изучения.

Таким образом, в будущем исследовании необходимо продолжить изучение разных аспектов антропологии звука в традиционной культуре тюркских и монгольских народов.

Литература:

- Бадмаева Г. Ю.** Музыка буддийского космоса // Музыка народов мира: проблемы изучения: материалы междунар. науч. конференций. М., 2008. Вып. 1. С. 241–245.
- Бадмаева Г. Ю.** Звуковой мир традиционной культуры калмыков // Этнографическое обозрение. М., 2006. № 4. С. 140–153.
- Берлинский П. М.** Музыкальная культура бурят-монголов. Рукопись // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Верхнеудинск, 1932. Инв. № 5. 67 с.
- Голос и ритуал: материалы конференции. М., 1995.
- Звук в традиционной народной культуре. Сборник научных статей. М., 2004. 253 с.
- Дашиева Л. Д.** Обрядовая песенная традиция западных бурят: Научное исследование [монография]. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2017. 448 с.
- Дашиева Л. Д.** Звуки шаманского космоса западных бурят // В мире научных открытий. Красноярск, 2015. № 5.7 (65). С. 2328–2340.
- Дашиева Л. Д.** Звук в обрядовом протяжном пении монголов и бурят // В мире научных открытий. Красноярск, 2015. № 9.1 (69). С. 7–14.
- Дашиева Л. Д.** Буддийские песнопения бурят: звуковой аспект // Евразийский союз ученых. М., 2015. № 4 (13). Т. 14. С. 5–6.
- Дашиева Л. Д.** Звуковой ряд обрядовых протяжных песен монголов и бурят // XII конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов / отв. ред. А. Е. Загребин, М. Ю. Мартынова. Москва-Ижевск, 2017. С. 395–396.
- Дашиева Л. Д.** Скотоводческие заговоры тээгэ в фольклоре хори-бурят // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург, 2021. № 5 (107). Ч. 3. С. 136–138.
- Дугаров Д. С.** Бурятские народные песни. Песни западных бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1980. 280 с.
- Дугаров Д. С.** Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М.: Наука, 1991. 300 с.
- Дугаров Д. С., Куницын О. И.** Буряты // Музыкальная культура Сибири: в 3-х т. Новосибирск, 1997. Т. 1, кн. 1. С. 336–404.
- Каратыгина М., Оюунцэцэг Д.** О смысловой многозначности базовых монгольских музыкальных терминов // Проблемы терминологии в музыкальных культурах Азии, Африки и Америки. М., 1990. С. 112–136.
- Кульганек И. В.** Мир монгольской народной песни. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 218 с.
- Кыргыс З. К.** Тувинские народные песни и обрядовая поэзия / Сост. З.К. Кыргыс. Новосибирск: Издат. дом «Сибирская горница», 2015. 432 с.
- Манжигеев И. А.** Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 128 с.
- Народное музыкальное творчество: Учебник / Отв. ред. О.А. Пашина. СПб.: Композитор, 2005. 568 с.
- Нуриева И. М.** Удмуртская музыкально-песенная традиция: специфика жанрообразования и функционирования: дис. ...докт. искусствоведения. Ижевск, 2014. 415 с.
- Смирнов Б. Ф.** Монгольская народная музыка. М.: Сов. композитор, 1971. 365 с.
- Утегалиева С. И.** Звуковой мир музыки тюркских народов: теория, история, практика (на материале инструментальных традиций Центральной Азии). М.: Композитор, 2013. 528 с.

Дашиева Лидия Данииловна, доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Центр восточных рукописей и ксилографов.

Ул. Сахьяновой, д. 6., г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, 670047.

E-mail: dashieva2006@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 22 июня 2021 г.

L. D. Dashieva

ANTHROPOLOGY OF SOUND IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE MONGOLIAN PEOPLES⁴

This article examines the anthropology of sound in the context of studying the acoustic code and the sound picture of the world as a universal information model in the traditional culture of the Mongolian peoples. Such an information model is a differentiated system of sounds with its own grammatical and syntactic rules, which can not only convey the complexity of a person's ideas about the surrounding world, but also affect it, serving as a guarantee of preserving the world order. The sound of the human voice, which performs a communicative function and has a huge impact on nature and society, is considered in the context of an acoustic or sound code of the steppe culture of the Mongolian peoples. The acoustic code of traditional culture, characterizing the cultural and natural landscape, includes a wide range of sounds from natural to strictly organized verbal and musical texts and is characterized by polyfunctionality. Folk beliefs and legends, which reflect the mythological and religious ideas of the Mongolian peoples, testify to the magic of the sound of the human voice.

The article examines the semantics of sound in the exclamatory chants and ritual long songs of the *urtynduu* Mongols, which represent a special “genetic code” and are an ethnic marker of their cultural tradition. The ritual long songs *urtynduu*, including chants performed during thunderstorms, melodic whistling or whistling, are closely related to the rite of invoking heavenly grace and the cult of ancestors. They are one of the important components of the integral ritual system, organizing the sound field of the traditional culture of the Mongolian peoples. In addition, the article presents the dotted line phenomenon of sound in the multidimensional space of the shamanic and Buddhist cosmos.

Keywords: *sound, sound picture of the world, semantics, traditional culture, Mongolian peoples.*

References:

- Badmaeva G. Yu.** Muzyka buddijskogo kosmosa [Music of the Buddhist space] // Muzyka narodov mira: problem izucheniya: materialy mezhdunar. nauch. konferencij [Music of the peoples of the world: problems of study: materials of the international scientific conferences]. M., 2008. Vyp. 1. P. 241–245. (in Russian).
- Badmaeva G. Yu.** Zvukovoj mir tradicionnoj kul'tury kalmykov [The sound world of the traditional culture of the Kalmyks] // Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]. M., 2006. № 4. P. 140–153. (in Russian).
- Berlinskij P. M.** Muzykal'naya kul'tura buryat-mongolov [Musical culture of the Buryat-Mongols.] Rukopis' // CVRK IMBT SO RAN [TsVRK IMBT SB RAS]. Verhneudinsk, 1932. Inv. № 5. 67 p. (in Russian).
- Golos i ritual: materialy konferencii [Voice and ritual: conference proceedings]. M., 1995. (in Russian).
- Zvuk v tradicionnoj narodnoj kul'ture [Sound in traditional folk culture]. Sbornik nauchnyh statej. M., 2004. 253 p. (in Russian).
- Dashieva L. D.** Obryadovaya pesennaya tradiciya zapadnyh buryat: Nauchnoe issledovanie [monografiya] [Ritual song tradition of Western Buryats: Scientific research [monograph]. Irkutsk: Izd-vo «Ottisk», 2017. 448 p. (in Russian).
- Dashieva L. D.** Zvuki shamanskogo kosmosa zapadnyh buryat [Sounds of the shamanic space of Western Buryats] // V mire nauchnyh otkrytij [In the world of scientific discoveries]. Krasnoyarsk, 2015. № 5.7 (65). P. 2328–2340. (in Russian).
- Dashieva L. D.** Zvuk v obryadovom protyazhnom penii mongolov i buryat [Sound in the ritual prolonged singing of the Mongols and Buryats] // V mire nauchnyh otkrytij [In the world of scientific discoveries]. Krasnoyarsk, 2015. № 9.1 (69). P. 7–14. (in Russian).
- Dashieva L. D.** Buddijskie pesnopeniya buryat: zvukovo jaspekt [Buddhist chants of the Buryats: sound aspect] // Evrazijskij soyuz uchenykh [Eurasian Union of Scientists]. M., 2015. № 4 (13). T. 14. P. 5–6. (in Russian).
- Dashieva L. D.** Zvukovoj ryad obryadovykh protyazhnykh pesen mongolov i buryat [The sound row of ritual lingering songs of the Mongols and Buryats] // XII congress antropologov i etnologov Rossii: sb. materialov [XII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: collection of articles. materials] / otv. red. A. E. Zagrebin, M. Yu. Martynova. Moskva–Izhevsk, 2017. P. 395–396. (in Russian).

⁴ The research was carried out within the state assignment (project “The Writing Traditions of the Peoples of the Baikal Region in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia”, № 121031000263-3).

- Dashieva L. D.** Skotovodcheskie zagovory teege v fol'klore hori-buryat [Teege cattle breeding plots in the folklore of the Khor-Buryats] // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International research journal]. Ekaterinburg, 2021. № 5(107). ch. 3. P. 136–138. (in Russian).
- Dugarov D. S.** Buryatskie narodnye pesni. Pesni zapadnyh buryat [Buryat folk songs. Songs of Western Buryats]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1980. 280 p. (in Russian).
- Dugarov D. S.** Istoricheskie korni belogo shamanstva (na material obryadovogo fol'klora buryat) [Historical roots of white shamanism (based on the ritual folklore of the Buryats)]. M.: Nauka, 1991. 300 p. (in Russian).
- Dugarov D. S., Kunicyn O. I.** Buryaty [Buryats] // Muzykal'naya kul'tura Sibiri: v 3-h t. [Musical culture of Siberia: in 3 volumes.] Novosibirsk, 1997. T. 1, kn. 1. P. 336–404. (in Russian).
- Karatygina M., Oyuuneeceg D.** O smyslovoj mnogoznachnosti bazovyh mongol'skikh muzykal'nyh terminov [About semantic polysemy of basic Mongolian musical terms] // Problemy terminologii v muzykal'nyh kul'turah Azii, Afriki i Ameriki [Problems of terminology in musical cultures of Asia, Africa and America]. M., 1990. P. 112–136. (in Russian).
- Kul'ganek I. V.** Mir mongol'skoj narodnoj pesni [The world of the Mongolian folk song]. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2001. 218 p. (in Russian).
- Kyrgys Z. K.** Tuvinskie narodnye pesni i obryadovaya poeziya [Tuvan folk songs and ritual poetry] / Sost. Z. K. Kyrgys. Novosibirsk: Izdat. Dom «Sibirskaya gornica», 2015. 432 p. (in Russian).
- Manzhigeev I. A.** Buryatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy [Buryat shamanistic and pre-shamanistic terms]. M.: Nauka, 1978. 128 p. (in Russian).
- Narodnoe muzykal'noe tvorchestvo: Uchebnik [Folk musical creativity: Textbook] / Otv. red. O. A. Pashina. SPb.: Kompozitor, 2005. 568 p. (in Russian).
- Nurieva I. M.** Udmurtskaya muzykal'no-pesennaya tradiciya: specifika zhanroobrazovaniya i funkcionirovaniya: dis. ...dokt. iskusstvovedeniya [Udmurt music and song tradition: specificity of genre formation and functioning: dis. ...doct. Art History]. Izhevsk, 2014. 415 p. (in Russian).
- Smirnov B. F.** Mongol'skaya narodnaya muzyka [Mongolian folk music]. M.: Sov. kompozitor, 1971. 365 p. (in Russian).
- Utegalieva S. I.** Zvukovoj mir muzyki tyurkskikh narodov: teoriya, istoriya, praktika (na materiale instrumental'nykh traditsij Central'noj Azii) [The sound world of the music of the Turkic peoples: theory, history, practice (based on the instrumental traditions of Central Asia)]. M.: Kompozitor, 2013. 528 s.

Dashieva Lidiya Daniilovna, doctor of science (art history), leading research fellow.

RAS, Siberian branch, Federal State Budgetary Institution of Science Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts.

6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, Russia, 670047.

E-mail: dashieva2006@yandex.ru